

2. **Абаев В. И.** Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка / В. И. Абаев // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. – М. : Наука. – 1970. – С. 232–262.
3. **Ажеж К.** Человек говорящий : Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж; пер. с фр. – Изд. 2-е, стереотип. – М. : Эдиториал УРСС, 2008. – 304 с.
4. **Берков В. П.** Исландский язык / В. П. Берков // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М. : Большая Рос. энциклопедия, 2000. – С. 203.
5. **Звегинцев В. А.** Мысли о лингвистике / предисл. В. М. Алпатова / В. А. Звегинцев. – Изд. 2-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 336 с.
6. **Иванов Вяч. Вс.** Моногенеза теория / Вяч. Вс. Иванов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М. : Большая Рос. энциклопедия, 2000. – С. 308–309.
7. **Косериу Э.** Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения). – 2-е изд., стереотип. / Э. Косериу. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 204 с.
8. **Мечковская Н. Б.** Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков / Н. Б. Мечковская. – 6-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 312 с.
9. **Миронов С. А.** Африкаанс / С. А. Миронов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М. : Большая Рос. энциклопедия, 2000. – С. 57.
10. **Поршнев Б. Ф.** О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии) / Б. Ф. Поршнев. – М.: Мысль, 1974. – 487 с.
11. **Рудяков А. Н.** Георусистика и русофония / А. Н. Рудяков // Лингводидактика. Социоллингвистика. Языки мира. К 90-летию со дня рождения академика И. Ф. Протченко / Учреждение Российской академии наук, Институт языкознания РАН. – М., 2008. – С. 115–128.
12. **Селиванова Е. А.** Основы лингвистической теории текста и коммуникации : монограф. учеб. пособие / Е. А. Селиванова. – К. : Брама, Изд. Вовчок О. Ю., 2004. – 336 с.
13. **Шелякин М. А.** Язык и человек: К проблеме мотивированности языковой системы : учебн. пособие / М. А. Шелякин. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 296 с.
14. **Якушин Б. В.** Гипотезы о происхождении языка / отв. ред. Г.В. Степанов / Б. В. Якушин. – Изд. 2-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 136 с.

Надійшла до редколегії 24.04.10

УДК 811.112.2'271.12 + 811.112.2'374

Г. П. Дьяконов

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ И НОРМАТИВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ НЕМЕЦКИХ ЯЗЫКОВЫХ ОБЩЕСТВ

Розглянуто особливості формування норм сучасної німецької мови. Проаналізовано нормативні концепції мовних товариств, їх реалізацію при формуванні лексикографічної бази німецької мови.

Ключові слова: мовна норма, мовні товариства, лексикографія.

Рассмотрены особенности формирования норм современного немецкого языка. Проанализированы нормативные концепции языковых обществ, их реализация при формировании лексикографической базы немецкого языка.

Ключевые слова: языковая норма, языковые общества, лексикография.

The article considers peculiarities of the development of standards in contemporary German. Normative concepts of language societies, their use for building up the lexicological base of German are being analyzed.

Key words: linguistic norm, language societies, lexicography.

В настоящее время существует достаточное количество работ, в которых изучаются различные направления деятельности немецких языковых обществ [2; 3]. Вместе с тем по-прежнему отсутствуют исследования, в которых были бы рассмотрены концепции, предопределившие впоследствии лексикографический аспект формирования нормативных положений в современном немецком языке. В этой связи представляется актуальным рассмотреть лексикографический аспект деятельности немецких языковых обществ, ставший одним из элементов системы языковых нормативных положений, сформировавшейся при их непосредственном участии.

Кажется вполне закономерным и естественным, что попытки создания определенных нормативных основ для немецкого языка опирались на изучение и описание его лексической системы. Членам барочных языковых обществ концепция представлялась достаточно простой и легко реализуемой, и заключалась в отборе, систематизации и последующей фиксации изначально корректных лексем в форме лексикографического источника. Изначальная функционально-смысловая корректность постулировалась на основе лингвофилософской интерпретации генезиса немецкого языка в сакральном контексте. Несмотря на то, что к моменту активной деятельности языковых обществ уже предпринимались попытки создания словаря немецкого языка, они, как отмечал Шоттель, так и не получили логического завершения [4, с. 158–159]. Сам Шоттель, хотя и предложил определенное видение реализации лексикографического проекта в рамках языковых обществ [4, с. 159], однако также не смог довести его завершения. Впоследствии Харсдерфер, воспринявший его идеи, особо выделил важность подобного лексикографического проекта с точки зрения формирования национального языка и системы его норм.

Процесс создания словаря рассматривался при этом как некий совместный проект, результатом которого должна была стать регистрация значения и употребления языковых единиц. Одной из концептуальных особенностей являлось то, что подобную регистрацию планировалось проводить предпочтительно на основе изучения особенностей документально зафиксированного материала, то есть предполагалось создавать глоссарии, опиравшиеся на текстовую репрезентацию языковых единиц. Кроме того, предполагалось, что зафиксированное корректное употребление языковых единиц должно, в определенном смысле, предопределять узус.

Обращает на себя внимание факт определенного расхождения в понимании источника нормативных параметров. Так, если Мартин Лютер в процессе перевода сакральных текстов прямо признавал главенство живого узуса носителей языка, то в основе лексикографического проекта языковых обществ было положено использование зафиксированных нормативных характеристик. Нужно заметить, что именно в этот момент формируется бинарная оппозиция прескриптивной нормы и нормы, вытекающей из динамики развития узуса. Важно также отметить, что при таком подходе неизбежно формировалась не только дистанция между устной и зафиксированной формами реализации языка, но и некоторая социальная дистанция. Нельзя не заметить, что при таком подходе прескриптивный характер в большей степени оправдывался авторитетностью высших социальных слоев, нежели вытекал из анализа особенностей системы немецкого языка. Этот факт позволяет понять, почему в качестве источников будущих норм в первую очередь рассматривались административные, законодательные и сакральные тексты. Их уже апробированное функционирование в качестве административно-законодательных и духовных источников определяло их пригодность для реализации проектов нормирования языка, поскольку они являлись как основой, так и средством последующих процессов нормирования.

В этой связи нужно отметить преемственность идей языковых обществ и лингвистической деятельности Мартина Лютера. Задача Лютера состояла в том,

чтобы закрепить развивающийся немецкий язык среди других общепризнанных языков сакральной практики. Это имело отнюдь не маргинальное значение для процесса эмансипации немецкого языка, поскольку должно было подтверждать постулат протестантских теоретиков о возможности адекватно и доступно передавать содержание Священного писания на немецком языке, верифицируя статус его равноправия среди языков, традиционно использовавшихся для этого ранее. Этот факт неоднократно подчеркивался исследователями, да и самими членами языковых обществ с целью формирования определенной исторической и лингвистической традиции, продолжателями которой и считали себя языковые общества. Этот же факт, вероятно, и предопределил избрание лексикографического аспекта как наиболее подходящего направления реализации идей по формированию и нормированию немецкого литературного языка.

Становится очевидным стремление не только опереться на идейные концепции и стать продолжателями дела Лютера, но также и достаточно ясное намерение сделать уже реализованные им концепции составной частью лингвистической практики языковых обществ. Теоретики того времени (Чернинг, Бухнер, Цезен) склонны рассматривать результаты проделанной Лютером работы в качестве исходного стандарта. Впрочем как носители лингвистических норм в документах столь же часто фигурируют местные канцелярии и прочие административные органы. В основе такого подхода лежит идея о том, что общедоступность административных документов позволяет им стать реальными источниками распространения лингвистических норм. Именно распространенность и общепризнанность законности таких документов должны были обеспечить распространение языковых норм и придать им статус узаконенных и обязательных к употреблению стандартов.

Реализация проекта требовала систематической каталогизации лексической системы немецкого языка, в частности, систематизации и фиксации примеров сохранившихся древних и «чистых» языковых форм в виде лексикографических источников. Этот этап рассматривался как предварительная ступень при подготовке определенной базы для последующего воссоздания на их основе литературного немецкого языка. Так, например, Шоттель приводит не только перечень собранных лексем, но также их толкование и лингвистические комментарии, в том числе относительно словообразовательных процессов с их участием [4], что можно рассматривать как попытку решения задачи по созданию репрезентативных источников норм немецкого языка.

Несколько иную методику подачи лексем, призванных обеспечить использование немецкого языка в поэтическом и литературном творчестве, использует Харсдерфер [1]. Его трактат должен был помочь в поиске и создании новых поэтических метафор. В основу трактата положена алфавитная репрезентация наиболее подходящих для этих целей моносиллабических основ. Интересно, что в отличие от Шоттеля, который стремится педантично и скрупулезно описать как можно больше существующих лексем, Харсдерфер предлагает несколько иной механизм их представления, опираясь на вероятностно-лингвистическое прогнозирование их семантико-функциональных особенностей. Эти практические результаты можно признать особо важными, поскольку они демонстрируют, что члены языковых обществ предпринимали конкретные шаги по реализации своих концепций, не оставаясь исключительно в сфере умозрительных концепций, лишенных всякой жизненной силы. И хотя первый репрезентативный словарь немецкого языка появится в Германии гораздо позже, все же нельзя недооценивать теоретический и практический вклад языковых обществ в этом отношении. Фактически именно с этого момента начинается полноценный лингвистический процесс создания устойчивых ортодок-

сальных норм немецкого языка, впервые в конкретной форме начинают внедряться основы уже «очищенного» языка.

Следуя в русле общеевропейской тенденции к вытеснению латыни из сферы научной коммуникации, теоретики языковых обществ изначально стремятся постулировать фактическое равноправие немецкого языка, его способность быть столь же приемлемым для передачи научных знаний и прочих функций, как и другие языки. Об этом достаточно ясно говорит, например, Харсдерфер, предостерегая от попыток ставить адекватность и полноту отражения окружающей действительности в зависимость от типа конкретного языка и ставить под сомнение тот факт, что немецкий язык может являться адекватным средством представления научных знаний. Справедливо ставя под сомнение возможность пространственного, локального ограничения способности любого языка отражать когнитивные процессы и процессы человеческого мышления, Харсдерфер приходит к выводу о неправомерности попыток приписывать подобную возможность исключительно одному или нескольким конкретным языкам, подчеркивая универсальный характер этого явления. Тезис о способности немецкого языка создавать лексемы, адекватно отражающие действительность, принципиально важен в связи с тем, что использование иноязычных лексем уступало место передаче содержательной стороны за счет реализации словообразовательного и семантического потенциала немецкого языка и его естественной способности адекватно отображать любые явления. Это кажется весьма существенным, поскольку свидетельствует о неоправданности узкого понимания исторической роли языковых обществ исключительно в духе гипертрофированного пуризма.

Одной из причин раздробленности и потери аутентичности немецкого праязыка теоретики языковых обществ считают безответственное употребление языка его носителями, что привело к потере изначальной внутренней чистоты и совершенства, дестабилизации лингвистических основ языка, повлияв на его способность адекватно и полно отражать окружающую действительность [4,10]. Осознавая необходимость определенных изменений в речевой практике, теоретики языковых обществ постулировали в качестве одного из наиболее приемлемых средств очищения немецкого языка «правильное» употребление речевых норм, предлагая следовать конвенциональным нормам, определявшим внутригрупповую коммуникацию их объединений. Предполагалось, что таким способом можно будет постепенно добиться закрепления стандартов языковых обществ не только среди узкого круга их участников, но и перенести их на более высокий уровень повсеместного признания и употребления, опираясь на собственные материалы в качестве источников новых стандартов. Лингвистические стандарты должны были соответствовать историческим обстоятельствам, поскольку именно из этого вытекала их точность и уместность. В то же время нормы языкового общества должны отличаться рациональностью и применимостью своих стандартов от хаотичных, случайных норм простолюдинов. Именно создание таких норм, которые основаны на фундаментальных языковых закономерностях, должно привести массы к осознанию необходимости нормированного языкового употребления.

Интерес вызывает тот факт, что в среде языковых обществ прослеживается определенная тенденция к отказу от использования диалектов в качестве базовых моделей для рационально нормированного языка. Вероятно, под влиянием лингвистического дискурса того времени и под воздействием идей связи с праязыком видеть в этой роли какой-либо из региональных диалектов представлялось невозможным. Предполагалось, что немецкий язык – это конструкт более высокого иерархического уровня, который не отражался адекватно ни одним из диалектов, которые были всего лишь частью разрушенного единого праязыка, не обладая к тому

же в полной мере всеми его качествами. Следует отметить, что в основу кладется понятие фундаментальной корректности или филологической точности немецкого языка, которое противопоставляется неустойчивому и неупорядоченному узусу диалектов. Противопоставление норм употребления, принятых среди членов языковых обществ, и неправильного употребления или, говоря языком обществ, «неправильных привычек» является характерной чертой их теоретических построений. Постулат о необходимости опираться на естественные языковые законы и корректное употребление языковых средств, и игнорировать моменты частного диалектного характера – вот суть подхода, который должен был лечь в основу создания единого нормированного немецкого языка.

Несмотря на значение упомянутого отождествления немецкого языка с праязыком, игравшего существенную роль в теоретических построениях членов языковых обществ, все же кажется, что этот момент постепенно вытесняется осознанием необходимости регулярной систематической филологической работы по эмансипации немецкого языка. Показательна в этом отношении точка зрения Харсдерфера, полагавшего, что необходим не поиск доказательств связи немецкого языка с праязыком, а развитие литературного немецкого языка. Именно стремление найти пути к созданию в нем наибольшего совершенства в орфографии, словоупотреблении и других аспектах приведет к тому, что немецкий язык сможет занять подобающее ему место [1, с. 124]. Похожую идею выдвигает и Шоттель, видя в языковых обществах силу, способную генерировать авторитетные языковые стандарты: не только и не столько широта распространения узуса играют при выборе норм существенную роль, но и фактор консенсуса среди участников языковых обществ [4, с. 16].

Как видим, процессы нормирования немецкого языка концентрируются, главным образом, вокруг текстовой практики языковых обществ. Акцентирование необходимости текстовой репрезентации языковых норм и процесса нормирования подчеркивает концептуальную новизну оценки реальной степени нормативности со стороны языковых обществ. Не устные образцы речевого поведения широких масс, с практически ничем не верифицируемыми нормами, а именно лингвистический узус языковых обществ, который верифицируется как речевыми, так и текстовыми формами употребления, становится носителем фиксированных (и поэтому стабильных) лингвистических норм. Именно такой подход реализует Шоттель, сопровождая обширный лингвистический материал указанием источников, верифицирующих корректность предлагаемого варианта употребления определенного словообразовательного средства, симплекса, композита или даже целого словосочетания. Особо нужно отметить, что среди таких источников фигурируют многочисленные работы самих членов языковых обществ. Это не только давало необходимые образцы норм языкового употребления, но и обеспечивало самим языковым обществам приоритетный статус решающего звена процессов языкового нормирования.

Библиографические ссылки

1. **Harsdörffer, Georg Philipp** : Prob und Lob der Teutschen Wolredenheit. Das ist : deß Poetischen Trichters Dritter Theil... Zu nachrichtlichem Behuff Aller Redner/Poeten/ Mahler/ Bildhauer und Liebhaber unsrer löblichen Helden Sprache angewiesen durch Ein Mitglied der Hochlöblichen Fruchtbringenden Gesellschaft, Nürnberg 1653. Nachdruck in: Georg Philipp Harsdoerffer, Poetischer Trichter, Darmstadt 1969.
2. **Kügel, Werner**: Geschichte und Gedichte des Pegnesischen Blumenordens, B.2, Shaker Media, Aachen, 2008.
3. **Newman, Jane O.** : Pastoral Conventions, Poetry, Language, and Thought in Seventeenth-Century Nuremberg, Baltimore, London: The Johns Hopkins Un. Pr. 1990. – xlv, 313 S.

4. **Schottelius, Justus Georg:** Ausführliche Arbeit von der Teütschen Hautb Sprache/ Worin enthalten Gemelter dieser Hautb Sprache Uhrankunft/ Uhraltertum/ Reinlichkeit/ Eigenschaft Vermögen/ Unvergleichlichkeit/ Grundrichtigkeit/ zumahl die SprachKunst und VersKunst Teutsch und guten theils Lateinisch völlig mit eingebracht/ wie nicht weniger die Verdoppelung/ Ableitung/ die Einleitung/ Nahmwörter/ Authores vom Teütschen Wesen und Teutscher Sprache/ von der verteutschung/ Jtem die Stammwörter der Teütschen Sprache samt der Erklärung und derogleichen viel merkwürdige Sachen. Abgetheilet In Fünf Bücher. Ausgefertiget von Justo-Georgio Schottelio D., Braunschweig 1663. Nachdruck, hrsg. v. Wolfgang Hecht, 2. Bde., Deutsche Neudrucke. Reihe: Barock 11/12, Tübingen 1967 // Schottelius, Justus Georg: Ausführliche Arbeit Von der Teutschen Hautb sprache 1663, hrsg v Wolfgang Hecht, Teil I-II, Tubmgen Niemeyer 1967 (= Deutsche Neudrucke, Reihe Barock, Bd 11, 12), Teil I, S 5.

Надійшла до редколегії 25.05.10

УДК 811.161.1'37 + 811.161'38

С. В. Евраева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА ХРИСТОС В КАРТИНЕ МИРА ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. БЛОКА

Визначено критерії виявлення концептів у межах мовної картини світу. Досліджено засоби вербалізації концепту *Христос*, його семантичне наповнення та місце у релігійній концептосфері художньої картини світу О. Блока.

Ключові слова: концепт, релігійна концептосфера, картина світу, вербалізація, онім.

Определены критерии выявления концептов в рамках языковой картины мира. Исследованы средства вербализации концепта *Христос*, его семантическое наполнение и место в религиозной концептосфере художественной картины мира А. Блока.

Ключевые слова: концепт, религиозная концептосфера, картина мира, вербализация, оним.

The criteria of exposure of concepts within the framework of language worldview are picked out. The means of language representation of the concept Christ, its semantic filling and place in the religious sphere of concepts of A. Blok's worldview are studied.

Key words: concept, religious sphere of concepts, worldview, language representation, proper name.

Интерпретация поэтического текста посредством изучения его ключевых концептов является одним из путей проникновения в глубинные пласты идиостиля автора. В подобных лингвистических исследованиях реализуются когнитивный подход (позволяющий выявить смысловые особенности художественных концептов), лингвокультурологический (рассматривающий индивидуально-авторские концепты как проекцию в индивидуальном сознании общекультурных ценностей, символов и т. п.), а также психолингвистический (изучающий ассоциативно-семантическое поле концепта).

В последние десятилетия перечисленные подходы всё чаще применяются в рамках лингвистического анализа художественного текста. Однако в силу недостаточной разработанности критериев, по которым в идиостиле автора можно выделить концепты и концептосферы, в настоящее время «частотность использования слова “концепт” может соперничать только, пожалуй, с количеством разных его интерпретаций» [8, с. 13]. Поэтому разработка таких критериев является одной из актуальных задач современной теории концепта.